

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation  
Journal of International Network Center  
for Fundamental and Applied Research  
Has been issued since 2014.  
ISSN 2411-3239  
E-ISSN 2413-7588  
Vol. 10, Is. 4, pp. 179-189, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.10.179  
[www.ejournal36.com](http://www.ejournal36.com)



UDC 93/94

### «Caucasian Way of War»: the Russian Army in the Confrontation with the Mountaineers of the Caucasus

Amiran T. Urushadze <sup>a, b, \*</sup>

<sup>a</sup> Southern Scientific Centre Russian Academy of Sciences, Institute of Social-Economic and Humanities Researches Southern Scientific Centre Russian Academy of Sciences

<sup>b</sup> South Federal University, Russian Federation

#### Abstract

The article is devoted to peculiarities of life of soldiers and officers of the Russian army in the Caucasus during the Caucasian war of the XIX century. Highlighted several factors influencing the formation of a separate Corporation known under the nomination «real Caucasians». Firstly, discusses the importance of climatic conditions of the region, which directly influenced the change of tactics of the Russian army, modified the elements of everyday life of its soldiers. Secondly, it examines the peripheral status of the Caucasus in the space of the Russian Empire, engendered a special feeling of almost existential abandonment of the soldiers of the Separate Caucasus corps (1857 – Caucasian army). The atmosphere of service in the Caucasus were alien to the strict formalism. Hazing appearance of the soldiers the Separate Caucasus corps was supplemented with the peculiarities of relationships among the officers. The author comes to the conclusion that the conditions of war in the Caucasus has transformed Russian army almost beyond recognition. The article is written on the basis of various sources of personal origin: the memoirs and letters of participants of the Caucasian war.

**Keywords:** «Real Caucasian», Caucasian war, the Russian Empire and the Caucasus.

#### 1. Введение

Определение «кавказский способ войны» встречаем в воспоминаниях графа Л. де Рошешуара – французского эмигранта на русской службе ([Мемуары графа де Рошешуара, 2002: 340–341](#)). Он принял участие в кубанской экспедиции генерала С.Г. Гангблова (1809 г.), в ходе которой близко познакомился с особенностями действий европейской армии в неевропейской стране. Француз быстро понял, что искусству войны на Кавказе можно научиться только проведя здесь долгие годы. Поэтому он предпочел, как и другие дальновидные офицеры, «ни в чем не уклоняться от мудрых наставлений» опытных командиров.

---

\* Corresponding author.

E-mail addresses: [urushadze85@mail.ru](mailto:urushadze85@mail.ru) (A.T. Urushadze)

Что происходило с солдатами и офицерами русской армии на Кавказе? Как формировалось сообщество ветеранов Кавказской войны – «настоящих кавказцев»? Каковы характерные черты их корпоративной культуры? Вот некоторые вопросы, на которые попытаемся ответить в предлагаемой статье.

## 2. Материалы

В основе статьи источники личного происхождения: воспоминания, письма участников Кавказской войны XIX века. В качестве источников были привлечены и материалы отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

## 3. Обсуждение и результаты

Война на Кавказе не предполагала передвижения по известным дорогам. Их нужно было проложить. Русские отряды часто были вынуждены расчищать путь своего движения, что сказывалось на скорости их перемещения. Пораженный этим обстоятельством Л. де Рошешуар писал: «Полное отсутствие дорог делало продвижение очень утомительным: приходилось расчищать себе путь среди густых лесных чащ и строить мосты через каждую речку или поток для переправы артиллерии» (*Мемуары графа де Рошешуара, 2002: 343*). Условия ведения войны, особенности местного климата и ландшафта становились для русских войск на Кавказе непереносимой и неотделимой частью противной стороны. В одном из своих многочисленных трудов, посвященных войне на Кавказе, Д.А. Милотин писал о военных действиях здесь как о «покорении неприязненного края (*ОР РГБ. Ф. 169. К. 19. Ед. хр. 5. Л. 7*). В ходе масштабных экспедиций в горы, действующие отряды русской армии сталкивались с огромными трудностями, связанными с транспортировкой артиллерии и движением обозов. Узкие горные тропинки даже после их расширения саперами позволяли провозить только легкие орудия и лишь на одном колесе катившимся по тропинке, в то время как другое удерживалось силой солдатских рук при помощи канатов. Армейские части разбивали лагерь прямо под открытым небом, в отсутствие застрявшего на очередном перевале обоза, не имея средств укрытия от проливного дождя и порывистого, холодного ветра (*Кавказская экспедиция, 2001: 103–104*). Случались и зимние экспедиции против горцев. Таким был поход против чеченцев в 1826 г. Войска под личным командованием «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова отправились усмирять чеченцев в феврале, который выдался морозным (температура опускалась до  $-20^{\circ}$ ). Стоянки под открытым небом превращались в настоящее испытание. Участники экспедиции изобретали новые способы обогрева. Секретарь А.П. Ермолова П.М. Сахно-Устимович свидетельствует: «Солдаты наши изобрели особый способ согреваться во время ночи: вокруг огромного костра пылающих дров ложились они на толсто постланной соломе кружком один плотно к другому и укрывались шинелями. Так как одной шинели достаточно было, чтобы прикрыть трех человек, то каждый из них лежал под тремя покрывками; каждый кружок выбирал старшего, без команды которого не могли они поворачиваться с одного бока на другой и иначе как все разом, чтобы не расстраивать своих одеял. Этот же старший приказывал разом вставать для исправления естественных надобностей, поддержания огня и проч.; потом укладывал свою команду, укрывал их шинелями и подползал потом в свое место» (*Сахно-Устимович, 2006: 167*).

Для русских солдат и офицеров незнакомые и невиданные ранее природно-климатические условия стали основой развития представлений о Кавказе как об «иной» земле. При этом «инаковость» кавказского пространства со временем приобрела и символический характер. В одном из кавказских рассказов Л.Н. Толстого, русский офицер – ротный командир Болхов, определяя мотивы выбора места службы, указывает на «престранное предание про Кавказ, будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей» (*Толстой, 1969: 69*).

Русской армии на Кавказе необходимо было приспособливаться как к противнику, так и к природно-климатическим условиям театра войны. Уже к концу первой четверти XIX века внешний вид солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса мало соответствовал уставным стандартам (*Karataev et al., 2016*). Эмиссар Николая I, полковник Ф.Ф. Бартоломей, инспектировавший кавказские войска императора в 1826 году, в своем рапорте отметил: «Люди не выправлены, не обучены, и только мундиры, изредка надеваемые (ходят здесь большей частью в разорванных шинелях, бурках, архалуках, в

черкесских шапках и проч.), заставляют иногда догадываться, что это должны быть солдаты» (Лапин, 2008: 226). Кавказ проделывал с русскими солдатами тот же фокус, что и американский Дикий Запад с колонистами-фронтирменами, которые расстались с «цивилизованными одеждами» и облачились в «охотничью куртку и мокасины» (Тернер, 2009: 15).

Солдаты и офицеры русской армии на Кавказе чувствовали себя находящимися не только в стране совершенно особенной с точки зрения ее природно-климатических характеристик, но и в далеком краю обитаемого мира, куда редко доходят вести с «большой земли».

«Кавказ от России далеко...» — это замечание из письма князя Д.И. Святополка-Мирского, написанного в 1855 году. Кавказ не только воспринимался, но и являлся далекой, почти «заморской» периферией, по которой передвигаться было не только утомительно, но и опасно. Для путешествия по Кавказу необходимо было иметь сильный эскорт, но и при нем нельзя было чувствовать себя вполне безопасно. Офицеры Отдельного Кавказского корпуса иронизировали: «Чтобы видеть в Чечне высокие шести с кусками на них красной и желтой материи; надгробия наездников; простую саклю кутанов (хуторов) или колючий тын засеянной кукурузою поляны, нужно несколько батальонов и орудий в прикрытие. Так путешествовать не в силах ни один английский лорд; но я служа в рядах русской армии, видел эти виды за сходную, пустую плату: рискуя потерять голову» (Сливицкий, 1848: 145).

В начале XIX столетия о событиях, происходящих на Кавказе, мало что знали не только в столицах империи, но и в губерниях непосредственно к нему примыкающих. Молодой А.Х. Бенкендорф, служивший на Кавказе вместе с будущим Кавказским наместником М.С. Воронцовым, 5 марта 1804 писал из Херсона: «На линии по крайней мере говорили о тамошнем крае, но здесь счастливые и беспечные малороссиянки едва знают, что войска наши в Грузии, а еще менее, что несчастный этот край окружен войною» (Архив князя Воронцова, 1889: 15). О жизни на Кавказе образованная российская публика узнавала с большим опозданием, а дошедшие сведения часто бывали ошибочными. В первой половине XIX века географическая периферийность сопровождалась неизменной спутницей — информационной периферийностью.

К середине XIX века положение не изменилось. Жители внутренних губерний Российской империи по-прежнему имели о Кавказе самые смутные представления. В русские гарнизоны, расквартированные в крепостях и редутах многочисленных укрепленных линий, приходили письма с указанием таких адресов как, например: «В крепость Новороссию, что в земле Горских народов, на Абазинских островах» (Кавказ. Выдержка из походных записок, 1848: 166).

Периферийность региона (как и в случае с некоторыми другими окраинами Российской империи) имела не только пространственное, но и временное измерение. Оторванность Кавказа от остального тела империи искривляла течение времени. Гарнизоны укреплений, расположенных на Кавказской линии, лишь изредка получали «что-то в роде книг, а иногда и изорванный Инвалид, о котором уже давно забыли в России» (Держак, 1848: 101–102). Новости внутренне и внешнеполитической жизни страны доходили до русских солдат и офицеров, служащих на Кавказе, самым причудливым образом: «...я помню мы тогда только узнали о поездке Государя Императора в Англию, когда прочли Высочайший приказ о производстве нашего знакомого, подписанный в Лондоне» (Держак, 1848: 101–102).

Если считать в отношении Сибири XIX века уместной метафору о замороженном времени, которое остановило или притормозило движение огромного края (Ремнев, 2013: 232), то говоря о Кавказе, справедливо будет заметить, что местное течение времени (для русских солдат и чиновников) было погружено в духоту и скуку однообразия повседневной жизни. Безысходная скука, порождающая лень и праздность, рефрен многочисленных записок, заметок и воспоминаний солдат и офицеров гарнизонной службы на Кавказе. Скуку можно назвать одной из главных героинь «Очерков Кавказа и Закавказья» И.А. Сливицкого: «Лето 1846 года было самое жаркое и скучное, изо всех которые я провел в Закавказском крае. Жили мы сиднем в Закаталах. Эти Закер-Талы, переделанные на русский лад, построенные в 1829 году, на месте кладбища разоренного аула, предлагали нам очень немного удобства и веселья. Солдатские домики низкие и тесные, так нерасчетливо

принаровленные к жаркому климату, заставляли потом чела платить за удовольствие, жить под их соломенными крышами. Лихорадка напоминала о себе унылыми звуками барабана и флейты, скорбных прощаний солдат, провожавших своего собрата в последнюю, вечную казарму – могилу. В нагретом до духоты воздухе, казалось веяло скукою. Подвергаясь климатическому влиянию, мы ленились как кровные азиатцы и скучали как истинные англичане; и чтобы сколько-нибудь разцветить однообразие нашей жизни, изобретали джарские обеды в садах, глазели на торговой улице на шорников, нашивающих русские абазы на татарские женские пояса, и на кузнецов, подковывающих без станка, крепких горских лошадей; болтали с лезгинами-чапарами (курьерами), которые прохаживаются целый день праздно, в кошах и заломанных папахах и купались в Тальском ручье, где всегда было в избытке воды, когда, во время маршей, нам случалось переходить через него, и очень мало, когда хотелось освежить расслабленные жарою члены в его холодных струях. Но скоро и эти средства не скучать, невыносимо прискучили» (Сливицкий, 1848: 161). Офицеры Отдельного Кавказского корпуса проводили долгие, жаркие дни «шатаясь из одного угла в другой» в поисках «хоть какой-нибудь крохи для развлечения» (Ключек из походной жизни, 1849: 13).

Долгая и изнурительная гарнизонная служба быстро, а главное совершенно неожиданно сменялась продолжительными и еще более тягостными военными экспедициями в горы. Со временем в солдатской повседневной жизни на Кавказе были выработаны особые приметы времени. Барометром движения отрядов Кавказского корпуса служили сухари. Офицеры тщательно высчитывали количество завезенных в гарнизон сухарей: «... если привезено на три дня, то не миновать нам оставаться; если же на десять и более, то двинемся вперед» (Ключек из походной жизни, 1849: 13).

Кавказская война один из самых затяжных военных конфликтов в истории. Это противостояние не имеет четких хронологических рамок. «Классическая» датировка Кавказской войны 1817–1864 гг. не раз обоснованно ставилась под сомнение и пересматривалась в сторону расширения. Но даже если принять концепцию «короткой Кавказской войны», то получается, что горцы и русские, служившие на Кавказе, находились в состоянии вооруженного противоборства почти половину века. Большая часть жизни многих из них протекала на фоне Кавказской войны. Эти долгие годы были не только временем войны, но и временем обоюдного узнавания, формирования и расширения каналов мирного общения. Как известно война это прежде всего ожидание: обеда, выгодного обмена, новостей, походов, сражений, наград и повышений. Ожидание – одна из ключевых характеристик времени Кавказской войны. Петербург ожидал известий об окончательном покорении Кавказа, Тифлис не менее напряженно ждал новых подкреплений для перехода к решительным действиям, 40-летние поручики и 50-летние капитаны Отдельного Кавказского корпуса безнадежно ожидали производства в следующий чин, гвардейские офицеры-новички на Кавказе, начитавшиеся повестей А.А. Бестужева-Марлинского, ожидали героических подвигов и романтических приключений.

В письме к А. Лопухину М.Ю. Лермонтов обещал другу: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетель...» (Маркелов, 2006: 36). Но сдержать обещание поэту было не суждено. Прекрасный знаток особенностей края, изъездивший его вдоль и поперек – «от Кизляра до Тамани», еще в первую свою ссылку, он не только участвовал в экспедициях регулярных войск, но и возглавлял полупартизанский отряд, состоящий из казаков и волонтеров. Писатель одним из первых зафиксировал появление на Кавказе особого сообщества людей, объединенных не государственными границами или верностью флагу, а образом жизни на фронтире империи. «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия» – отмечал М.Ю. Лермонтов в своем известном очерке «Кавказец» (Лермонтов, 1969: 337). Это произведение М.Ю. Лермонтов писал специально для выходявшего в 1841–1842 гг. альманаха физиологических очерков «Наши, списанные с натуры русскими», но оно не было напечатано по цензурным соображениям (Норимацу, 2012: 297–298).

К. Норимацу полагает, что лермонтовское описание «настоящего кавказца», который «есть существо полурусское, полуазиатское» и «вполне понял нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств» (Лермонтов, 1969: 337) – это «не что иное, как воплощение размывания границы между Россией и Азией»

(Норимацу, 2012: 298). Но «гибкость кавказца», позволяющая адаптироваться к новым условиям жизни, скорее свидетельствует не о размытии границ, а о деформации идентичности.

Корпоративная идентичность «настоящих кавказцев» формировалась во многом на основе оппозиции «Россия – Кавказ», а образом «другого» или «чужого» служил офицер, временно прикомандированный к частям Кавказского корпуса. Таких армейских и гвардейских офицеров на Кавказе именовали «фазанами» и относились к ним с трудно скрываемой неприязнью. Новички, часто занимавшие высокие должности, своими неумелыми распоряжениями ставили под удар «коренных кавказцев», а кроме того, препятствовали карьерному продвижению ветеранов.

В «Проделках на Кавказе» — книге, о которой военный министр А.И. Чернышев сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда» — устами пехотного капитана, «старого кавказца» дана такая характеристика командированного офицера-новичка: «По милости этих новичков мы и терпим уроны: смотрите пожалуйста, только с неделю приехал он сюда, сроду не слышал свиста пуль, ему двадцать восемь лет – а кричит уже, что никто здесь ничего не смыслит, учит, как взяться, чтобы покорить черкесов, как вести войну, и не слушает меня, сорокалетнего старика, меня, который преждевременно поседел в походах и двадцать два года слушаю свист горских пуль! Он считает меня еще трусом! Придется опять лезть не щадя себя. Жаль моих старых солдат: их и то уже осталось мало; а что с рекрутами? Еще осрамишься с ними и – к черту долготелняя, испытанная служба! <...> Давно ли по милости другого новичка потерял я сорок человек моей роты, да каких молодцов, моих сослуживцев! Правда, он сам не рад был, что завел нас бог весть куда. Где ему водить людей на горную брань! Он весь век книжки читал, воевал по ландкартам, а о горах и горцах и не слыхивал: ох уж эти мне книжки, стратегии!...» (Хамар-Дабанов, 1986: 161). Именно «присланные из России» были главной преградой для столь желанного и заслуженного повышения в глазах «кавказцев»: «Дура! Зачем не попала ты мне в лоб? Одним разом всему бы конец! Что мне в жизни? Буду штаб-офицером, деться некуда! Без службы жить не могу; в полковые командиры и думать нечего; в батальонные также не попаду, туда переводят из России, присылают все людей образованных, ученых: что нашему брату? Вакансии штаб-офицерской почти не бывает!» (Хамар-Дабанов, 1986: 162).

Новички в среде «кавказцев» были не только объектом неприязни, но и предметом иронии и даже насмешек. По прибытии в Ставрополь офицеры становились лакомой добычей для местных коммерсантов, которые «с особенным искусством продают самых тощих лошадей, за настоящих карабахских, часто персидской породы, и на этом основании, получают последние деньги с героев нашего времени» (Дзержек, 1848: 101).

Еще не добравшись до места службы, молодые офицеры уже оставались без необходимых денежных средств и вынуждены были оставаться на месте в ожидании передачи денег от родных. Настроения и ожидания, царившие среди новичков, саркастично описаны одним из современников: «Предаваясь пылкости своего воображения, каждый из юных героев не сомневается даже в том, что горские завалы падут ниц перед его храбростью, в вознаграждение которой, они уже видят вдали светлое облако, рассыпающиеся над ними градом крестов» (Дзержек, 1848: 102).

В общении с новичками «настоящие кавказцы» символически демаркировали пространство Кавказа и России: «Да – продолжал он с улыбкою покровительства, с какою иногда говорят старые Кавказцы новичкам – вы все господа, *приехавшие из России (курсив мой – А.У.)*, воображаете, что по *нашим дорогам* можно прогуливаться как по Невскому. Нет, докладую Вам, там будочники берегут вашу особу, а здесь надобно надеяться на собственные руки, на умение владеть оружием и никогда на проводников, негодяи при первом выстреле вас оставляют» (Сливицкий, 1848: 166).

В «настоящего кавказца» солдата или офицера Кавказского корпуса превращало не чтение произведений А.А. Бестужева-Марлинского или внешнее подражание облику горцев, а овладение специфическими навыками, основанными на практическом знании, военном опыте. Первыми советами «кавказца» новичку были следующие наставления: «Никогда в дорогу не ездите без оружия и учитесь им владеть, как владеют горцы: важная вещь, скоро выхватить из чехла винтовку и обнажить вовремя шашку; одевайтесь по азиатски (так в тексте – А.У.), и изучайте местные обычаи – пригодится; если есть возможность проехать на

коне, никогда не меняйте его на тележку. Верхом вы царь местности – в случае нападения можете отделаться одною джигитовкою; а на повозке вы точно пленник, тут скорее надобно надеяться быть убитым, чем убить. Да не забудьте, что в местах не безопасных, где нужно проехать тихо, не кричите и не болтайте всякой вздор» ([Сливицкий, 1848: 166](#)).

Подчеркнутая дистанция в общении с «новичками из России» дополнялась особенностями коммуникации внутри сообщества «настоящих кавказцев». Отдельный Кавказский корпус славился беспрецедентной демократичностью отношений солдат и офицеров. Между собой они, прежде всего, были «сослуживцами» и только потом «подчиняющими» и «подчиняющимися»: «...Постоянная готовность к боевым действиям отражалась на всем укладе жизни кавказских войск, вырабатывая в них выносливость в походах, закаленность в боях и выдающуюся отвагу, стяжавшую громкую славу кавказским войскам. Главная причина этого успеха лежала в том общении солдата и офицера, которое вырабатывалось в течение непрерывного ряда годов совместной походной и боевой жизни, когда переносились одинаково всеми и голод, и холод, и все прочие лишения. Офицер и солдаты представляли два лагеря, но не враждебных, а дружественных, связанных невидимыми узами доверия, любви и покровительства друг другу...» ([Савельев, 2010: 126](#)). Групповая идентичность модифицировала формальные, уставные армейские порядки, выступая одновременно как маркер идентичности и механизм адаптации универсальных правил.

Разнообразие природно-климатических условий Кавказа, а также многофункциональный характер службы в крае (походная, сторожевая, гарнизонная) способствовали формированию специализации качеств, как рядового, так и офицерского состава Кавказского корпуса. В воспоминаниях о Даргинской экспедиции 1845 года граф К.К. Бенкендорф отметил: «Естественно, что один полк превосходно действует в лесах, другой, благодаря быстроте своего хода, в горах; один офицер провел долгие годы в борьбе с чумой на турецкой границе, другой – в административной службе Закавказья, третий – всю жизнь провел в борьбе с лихорадкой и спячкой, на службе гарнизона в небольшом форте морского побережья; один – на биваках в ледниках лезгинских гор, другой – в преследовании конных партий черкес на Кубани; некоторые офицеры провели всю жизнь в Чечне, в этой стране вечной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другие – в Дагестане – стране всевозможных лишений, но где легко создаются репутации, блистательные карьеры и легко дается успех» ([Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа, 2001: 253](#)).

В то же время, вместе со своеобразным «разделением труда» ветераны Кавказской войны имели и общие отличительные черты (от прочих частей армии Российской империи). Солдаты-«кавказцы» часто вступали в бой с противником не плотными рядами, колоннами, а «одиноко или в составе лишь не многих товарищей» ([Волконский, 1876: 375](#)). Это формировало у рядовых «кавказцев» чувство самостоятельности и ответственности, развивало индивидуальные боевые навыки: зоркость, осторожность, ловкость.

Прагматизм и самостоятельность характера «настоящего кавказца» проявлялась и в повседневной походной жизни. Солдаты экспедиционных отрядов, забирающихся в высокогорья и труднодоступные ущелья, не могли рассчитывать на обоз и услужливость маркитантов. Служба на Кавказе приучила их самостоятельно добывать все необходимое. Практичность «кавказца» особенно заметна на фоне бытовой беспомощности солдата-новичка: «Зимой в трескучий мороз, где-нибудь на горных возвышенностях Чечни, когда от холода зуб на зуб не попадает – кавказский солдат пришел на стоянку, составил ружья и не ждет ни расчета, ни приказа, чтобы сходить по воду, за соломой, за дровами, — скинул с плеч ранец – и чрез несколько минут уже тащит полено или хворост, котелок воды или вязку сена: постель, закуска и топливо у него готовы. Пока *русских пришельцев* (*курсив мой* – А.У.) соберут и укажут где и как рубить, что брать в ауле, а чего не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Когда же пришла очередь стать ему на часы, он встряхнулся и готов, да еще подсмеивается над новичками» ([Волконский, 1876: 376](#)).

В.В. Лапин справедливо обратил внимание на высокую степень корпоративной конкуренции полков Отдельного Кавказского корпуса, которые сражались вместе десятилетиями: «Одним из мощных двигателей в кавказской войне стала соревновательность между солдатами различных полков. Если накануне в бою отличались, например, ашшеронцы, то на следующий день куринцы, кабардинцы и навагинцы делали все возможное,

чтобы «не поддаться»» (Лалин, 2008: 285). Добавим к этому, что корпоративная конкуренция солдат-«кавказцев» не замыкалась уровнем полка. Для «кавказского солдата» не менее важны были «честь и достоинство роты» (Волконский, 1876: 377). Указанные уровни корпоративности не мешали «настоящим кавказцам» чувствовать себя частью общего целого – Отдельного Кавказского корпуса. Об этом говорит то, что после реорганизации корпуса в Кавказскую армию (в 1857 году) «старые кавказцы» предпочитали говорить, что служат в Отдельном Кавказском корпусе (Андреев, 1876: 3). Это не просто прихоть или дань традиции со стороны «стариков-кавказцев». Образование Кавказской армии сопровождалось увеличением численности русских войск на Кавказе, небывалым наплывом новичков «из России». Этот «потоп» грозил размыванию сложившихся отношений, той же устоявшейся корпоративности. Использование старого наименования – «Отдельный Кавказский корпус» – было попыткой сохранения ускользающих традиций, а возможно и своеобразным паролем, отделяющим «своего» от «чужого».

Немаловажным свидетельством корпоративного духа солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса стало появление своеобразного гимна русских войск на Кавказе. Весной 1848 года в Тифлисе было издано стихотворение «Песнь Кавказских воинов». Отметим, что издание сочинения сопровождалось стихотворным же переводом на грузинский язык.

К характерным чертам солдата-«кавказца» необходимо отнести еще два важных качества. Необходимость противостоять не только горцам, но и природным, климатическим условиям Кавказа сделала солдата Кавказского корпуса настоящим тружеником, «с которым никогда не сравнится самый трудолюбивый поденщик» (Волконский, 1876: 379). Кроме участия в боях, солдаты разбирали завалы, строили мосты, наводили переправы в самых экстремальных условиях. Важной частью солдатской службы на Кавказе являлась и рубка леса, ставшая темой одного из рассказов Л.Н. Толстого.

Те же обстоятельства и особенности службы предопределили и легендарную неприхотливость «кавказских» солдат. Как выразился один из участников Лезгинской экспедиции 1857 года: «Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то отдельный корпус никогда бы не существовал» (Волконский, 1876: 372). Неприхотливость «настоящих кавказцев» была особенно заметна на фоне высокого боевого духа и оптимистичной атмосферы частей корпуса. В воспоминаниях о Дагестанском походе 1843 года, мемуарист отметил, что, несмотря на все лишения и тяжелые условия похода: «Идут не усталые ряды воинов, но бодрые и веселые, с пением, музыкой и вечными шуточками балагуров, которых всегда много между нашими Кавказскими солдатами» (Из воспоминаний о походе в Дагестан, 1850: 277).

Для офицеров-«кавказцев» знание местных языков, обычаев, ношение горской одежды или оружия было не просто внешним подражанием или романтическим увлечением, но способом выжить. Александр Пустогородов – «настоящий кавказец» и герой уже упоминавшегося произведения «Проделки на Кавказе», на вопрос о причинах своего следования местным традициям и правилам жизни отвечал «...что он в Азии уважает азиатские обычаи, и оттого изучил их» (Хамар-Дабанов, 1986: 133).

Русские, долго воевавшие на Кавказе, высоко ценили различные познания горцев. Офицеры-ветераны Кавказского корпуса в случае ранений часто прибегали к помощи врачей из мирных горских аулов, предпочитая их услуги полковым лекарям.

Атмосфера службы на Кавказе была чужда строгому формализму. Неуставной внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса дополнялся особенностями взаимоотношений в офицерской среде. Офицеры-«кавказцы» отличались склонностью к критике начальства. Современники называли это «кавказской болезнью», которая заключалась «в порицании и осуждении всякого начальника, каким бы он не был, единственно только потому, что он – начальник» (Савельев, 2010: 118). Вместе с тем, в ходе Кавказской войны случалось, что старшие по званию добровольно уступали командование по различным причинам. Один из таких случаев произошел при осаде войсками имама Шамиля укрепления Ахты в 1848 году. После тяжелого ранения командира гарнизона полковника Рота его место должен был занять следующий по чину офицер. Но оставшиеся в строю старшие офицеры: майор Старосила и капитан Жорж, единодушно изъявили желание

подчиниться молодому капитану Новоселову, «который, по молодым летам и крепкому сложению, казался способнее» ([Описание и анекдоты, 1850: 82](#)).

#### 4. Заключение

Условия войны на Кавказе трансформировали русскую армию почти до неузнаваемости. Отдельный Кавказский корпус стал самобытной субкультурой «настоящих кавказцев» — фронтисменов южной окраины расширяющейся империи. Ветеран Кавказской войны, князь Д.И. Святополк-Мирский в письме к Кавказскому наместнику Н.Н. Муравьеву, датированном 13 марта 1855 года, писал: «Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско делающее кампанию: это скорее воинственный народ создаваемый Россией и противопоставленный воинственным народам Кавказа, для защиты России. Такое положение дел не заведено никем, оно создано силою обстоятельств, после многих неудачных попыток усмирения здешнего края» ([ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 1–2](#)).

Особое чувство общности, выразившееся в номинации «настоящий кавказец», являлось продуктом набора условий, в первую очередь природно-географических. Формирование и развитие товарищества «кавказцев» было локализовано территорией и хронологически ограничено эпохой Кавказской войны.

#### 5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, проект «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» (АААА-А15-115102010107-5) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

#### Литература

[Андреев, 1876](#) – Андреев В. Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 1–154.

[Архив князя Воронцова, 1889](#) – Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. М.: Университетская типография, 1889. 700 с.

[Волконский, 1876](#) – Волконский Н. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 370–420.

[Воспоминания графа, 2001](#) – Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. Сост. Г.Г. Лисицына. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 220–323.

[Держак, 1848](#) – Держак Г. Четыре месяца на Лабинской линии. Выдержка из писем // Кавказ. 1848. № 26. С. 101–103.

[Из воспоминаний о походе в Дагестан, 1850](#) – Из воспоминаний о походе в Дагестан, в 1843 году // Кавказ. 1850. № 70. С. 276–277.

[Кавказ, 1848](#) – Кавказ. Выдержка из походных записок // Кавказ. 1848. № 41. С. 166.

[Кавказская экспедиция, 2001](#) – Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год. / Сост. Лисицына Г.Г., Миловидов Б.П. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 49–219.

[Клочек из походной жизни, 1849](#) – Клочек из походной жизни // Кавказ. 1849. № 4. С. 13.

[Лалин, 2008](#) – Лалин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. 400 с.

[Лермонтов, 1969](#) – Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: «Правда», 1969. 670 с.

[Маркелов, 2000](#) – Маркелов Н. Лермонтов на Кавказе: вкус войны оказался безмерно горьким // Новое время. 2000. № 8. С. 34–38.

[Мемуары графа де Рошешуара, 2002](#) – Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 340–348.

[Норимацу, 2012](#) – Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сб. статей / Под. ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: НЛО, 2012. С. 297–298.

[Описание и анекдоты осады Шамилем, 1850](#) – Описание и анекдоты осады Шамилем в 1848 году укрепления Ахты // Кавказ. 1850. № 21. С. 81–82.

[ОР РГБ](#) – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

[Ремнев, 2013](#) – Ремнев А.В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и в Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: НЛО, 2013. С. 229–252.

[Савельев, 2010](#) – Савельев А.Е. Гарнизонная и походная жизнь офицеров отдельного Кавказского корпуса // Кавказский сборник. Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: «Русская панорама», 2010. С. 116–142.

[Сахно-Устимович, 2006](#) – Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда. 2006. № 3. С. 145–179.

[Сливицкий, 1848](#) – Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белооканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 40. С. 161.

[Сливицкий, 1848a](#) – Сливицкий И.А. Очерки Кавказа и Закавказья. Бугры // Кавказ. 1848. № 38. С. 145–146.

[Тернер, 2009](#) – Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: «Весь мир» 2009. 304 с.

[Толстой, 1979](#) – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. II. М.: «Художественная литература», 1979. 560 с.

[Хамар-Дабанов, 1986](#) – Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 256 с.

[Karataev et al., 2016](#) – Karataev V.B., Ostrovskaya A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S. The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies // *Bylye Gody*. 2016. 41 (3). pp. 650–657.

## References

[Andreev, 1876](#) – Andreev V. (1876). Vospominaniya iz Kavkazskoj stariny [Memories of the Caucasus of antiquity]. *Kavkazskij sbornik*. T. I. Tiflis. pp. 1–154. [in Russian]

[Arhiv knjazja Voroncova, 1889](#) – Arhiv knjazja Voroncova [The archive of Prince Vorontsov]. Kn. XXXV. M.: Universitetskaja tipografija, 1889. 700 p. [in Russian]

[Volkonskij, 1876](#) – *Volkonskij N.* (1876). Lezginckaja jekspedicija (v Didojskoe obshhestvo) v 1857 godu [Lezgin expedition]. *Kavkazskij sbornik*. T. I. Tiflis. pp. 370–420. [in Russian]

[Vospominaniya grafa, 2001](#) – Vospominaniya grafa Konstantina Konstantinovicha Benkendorfa o Kavkazskoj letnej jekspedicii 1845 goda [Memoirs of count Konstantin Konstantinovich Benkendorf about the Caucasian summer expedition of 1845] // Darginckaja tragedija. 1845 god. Sost. G.G. Lisicyna. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2001. pp. 220–323. [in Russian]

[Dzerzhek, 1848](#) – *Dzerzhek G.* (1848). Chetyre mesjaca na Labinskoj linii. Vyderzhka iz pisem [Four months on the Laba line. Excerpt from the letters]. *Kavkaz*. № 26. pp. 101–103. [in Russian]

[Iz vospominanij o pohode v Dagestan, 1850](#) – Iz vospominanij o pohode v Dagestan, v 1843 godu [From the memories of the campaign in Dagestan, in 1843]. *Kavkaz*. 1850. № 70. pp. 276–277. [in Russian]

[Karataev et al., 2016](#) – *Karataev V.B., Ostrovskaya A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S.* (2016). The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies. *Bylye Gody*. 41 (3). pp. 650–657.

[Kavkaz, 1848](#) – *Kavkaz*. Vyderzhka iz pohodnyh zapisok [The Caucasus. Excerpt from the field notes]. *Kavkaz*. 1848. № 41. p. 166. [in Russian]

[Kavkazckaja jekspedicija, 2001](#) – Kavkazckaja jekspedicija v 1845 godu. Rasskaz ochevidca V.N. Norova [The Caucasian expedition in 1845. The story of the witness V. N. Norova] // Darginckaja tragedija. 1845 god. / Sost. Lisicyna G.G., Milovidov B.P. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2001. pp. 49–219. [in Russian]

- Kloček iz pohodnoj zhizni, 1849** – Kloček iz pohodnoj zhizni [A scrap of camp life]. *Kavkaz*. 1849. № 4. p. 13. [in Russian]
- Lapin, 2008** – *Lapin V.V.* (2008). *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian army in the Caucasian war XVIII–XIX centuries]. SPb.: Izdatel'stvo «Evropejskij dom». 400 p. [in Russian]
- Lermontov, 1969** – *Lermontov M.Ju.* (1969). *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah* [Collected works in four volumes]. T. 4. M.: «Pravda». 670 p. [in Russian]
- Markelov, 2000** – *Markelov N.* (2000). *Lermontov na Kavkaze: vkus vojny okazalsja bezmerno gor'kim* [Lermontov in the Caucasus: a taste of war was immensely bitter]. *Novoe vremja*. № 8. pp. 34–38. [in Russian]
- Memuary grafa de Rosheshuara, 2002** – *Memuary grafa de Rosheshuara, adjutanta imperatora Aleksandra I (Revoljucija, Restavracija, Imperija)* [Memoirs of the count de Roselare, adjutant of the Emperor Alexander I (Revolution, Restoration, Empire)] // *Kavkazskaja vojna: istoki i nachalo. 1770–1820 gody*. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2002. pp. 340–348. [in Russian]
- Norimacu, 2012** – *Norimacu K.* (2012). *Problema granicy «Rossii» v kavkazskih tekstah ruskogo romantizma* [The problem of the boundaries of «Russia» in the Caucasus texts of Russian romanticism] // *Tam, vntri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii*. Sb. statej / Pod. red. A. Jetkinda, D. Uffel'mana, I. Kukulina. M.: NLO. pp. 297–298. [in Russian]
- Opisanie i anekdoty osady Shamilem, 1850** – *Opisanie i anekdoty osady Shamilem v 1848 godu ukreplenija Ahty* [Description and anecdotes of the siege of Shamil in 1848 strengthen Akhty]. *Kavkaz*. 1850. № 21. pp. 81–82. [in Russian]
- OR RGB** – *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [The department of manuscripts of Russian state library]. [in Russian]
- Remnev, 2013** – *Remnev A.V.* (2013). «*Korotkij*» XIX vek Sibiri: sibirskoe vremja i prostranstvo [«Short» nineteenth century Siberia: the Siberian time and space] // *Izobrenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i v Evrope XIX stoletija* / Red. E. Vishlenkova, D. Sdvizhkov. M.: NLO. pp. 229–252. [in Russian]
- Savel'ev, 2010** – *Savel'ev A.E.* (2010). *Garnizonnaja i pohodnaja zhizn' oficerov otdel'nogo Kavkazskogo korpusa* [Garrison and camp life of the officers of a separate Caucasian Corps] // *Kavkazskij sbornik*. T. 6 (38) / Pod red. V.V. Degoeva. M.: «Russkaja panorama». pp. 116–142. [in Russian]
- Sahno-Ustimovich, 2006** – *Sahno-Ustimovich P.M.* (2006). *Opisanie chechenskogo pohoda 1826 g.* [Description of the Chechen campaign of 1826]. *Zvezda*. № 3. pp. 145–179. [in Russian]
- Slivickij, 1848** – *Slivickij I.* (1848). *Očerki Kavkaza i Zakavkaz'ja. Dzharo-Belokanskije lesa i Alazanskaja dolina* [Essays on the Caucasus and Transcaucasia]. *Kavkaz*. № 40. pp. 161. [in Russian]
- Slivickij, 1848a** – *Slivickij I.A.* (1848). *Očerki Kavkaza i Zakavkaz'ja. Bugry* [Essays on the Caucasus and Transcaucasia]. *Kavkaz*. № 38. pp. 145–146. [in Russian]
- Terner, 2009** – *Terner F. Dzh.* (2009). *Frontir v amerikanskoj istorii* [The frontier in American history]. M.: «Ves' mir». 304 p. [in Russian]
- Tolstoj, 1979** – *Tolstoj L.N.* (1979). *Sobranie sochinenij v 22 t.* [Collected works in 22 volumes] T. II. M.: «Hudozhestvennaja literatura». 560 p. [in Russian]
- Hamar-Dabanov, 1986** – *Hamar-Dabanov E.* (1986). *Prodelki na Kavkaze* [Tricks in the Caucasus]. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo. 256 p. [in Russian]

УДК 93/94

**«Кавказский способ войны»:  
русская армия в противостоянии с горцами Кавказа**

Амиран Тариелович Урушадзе <sup>a, b \*</sup>

<sup>a</sup> Южный научный центр Российской академии наук, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук

<sup>b</sup> Южный федеральный университет, Российская Федерация

**Аннотация.** Статья посвящена особенностям службы солдат и офицеров русской армии на Кавказе в период Кавказской войны XIX века. Выделено несколько факторов, влиявших на формирование отдельной корпорации известной под номинацией «настоящие кавказцы». Во-первых, рассматривается значение природно-климатических условий края, которые прямо влияли на изменение тактики русской армии, модифицировали элементы повседневной жизни ее солдат. Во-вторых, анализируется периферийный статус Кавказ в пространстве Российской империи, породивший особое чувство почти экзистенциальной заброшенности солдат Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии). Атмосфера службы на Кавказе была чужда строгому формализму. Неуставной внешний вид солдат Отдельного Кавказского корпуса дополнялся особенностями взаимоотношений в офицерской среде. Автор приходит к выводу, что условия войны на Кавказе трансформировали русскую армию почти до неузнаваемости. Статья написана на основе разнообразных источников личного происхождения: воспоминаний, писем участников Кавказской войны.

**Ключевые слова:** «Настоящий кавказец», Кавказская война, Российская империя, Кавказ.

---

\* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: [urushadze85@mail.ru](mailto:urushadze85@mail.ru) (А.Т. Урушадзе)